

Ю. А. Лысенко

Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX — начало XX в.)*

Yu. A. Lysenko

The Issue of Compulsory Military Service for the Kazakh Population (70-s of the XIX Century — the Beginning of XX Century)

Исследуется позиция правящих кругов Российской империи по проблеме привлечения казахов Степного и Туркестанского генерал-губернаторств в конце XIX — начале XX в. к воинской повинности. Автору удалось установить, что данный вопрос рассматривался в политико-правовой плоскости и предполагал уравнение казахов-кочевников в правах с остальными этносами и социальными стратами российского общества. В то же время введение воинской повинности для казахов вызывало опасения, связанные с возможностью роста этнического самосознания кочевников и усиления их национального движения, поэтому воинская повинность для них так и не была введена вплоть до падения Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, безопасность, Степное генерал-губернаторство, Туркестанское генерал-губернаторство, казахи, военная реформа, воинская повинность, мобилизация.

В 70-е гг. XIX в. Российская империя вступила в эпоху буржуазных преобразований, одним из которых стала военная реформа. В 1874 г. был издан Манифест о введении всеобщей воинской повинности, отменявший комплектование армии посредством рекрутского набора и вводивший всеобщую воинскую повинность.

В условиях полиэтничности России военная реформа актуализировала вопрос о привлечении на службу в армию «инородческого» населения, освобожденно-го до этого периода от несения воинской повинности. Распространение на него действия Устава, регламентирующего процедуру прохождения воинской службы, безусловно, рассматривалось правящими кругами в политико-юридической плоскости и предполагало социально-правовую нивелировку граждан империи. Кроме этого, введение всеобщей воинской повинности вполне отвечало тенденциям национальной политики России, направленным на русификацию «инородцев», полное их слияние с русским народом, и должно было сыграть в целом цивилизующую роль.

At the article the author investigates a question about position of the ruling groups in the problem of involvement the Kazakhs to military service in Steppe and Turkestan Governor-Generalships in the Russian Empire at the period of the late XIX — early XX centuries. The author found out that this issue was considered on political and legal level and equalized the Kazakhs and other ethnic groups and social strata of Russian society in rights. At the same time, the introduction of conscription for the Kazakhs excited apprehension related to the possible growth of ethnic consciousness of nomads and strengthening their national movement. Therefore conscription for the Kazakhs was not introduced until the falling of the Russian Empire.

Key words: Russian Empire, safety, Steppe Governor-Generalship, Turkestan general-governorship, the Kazakhs, military reform, conscription, mobilization.

Однако, несмотря на очевидность необходимости введения воинской повинности для «инородческого» населения, имперские правящие круги проявили в данном вопросе определенную сдержанность. Так, по Уставу 1874 г. азиатские этносы России, в том числе казахи Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей, были освобождены от службы в армии [1; 2]. Данное обстоятельство было обусловлено причинами внутриполитического характера, суть которых точно выразил начальник Генерального штаба Российской армии А. Е. Генгрос. По его мнению, «исторический опыт формирования туземных армий показал, что конечным результатом таких решений была необходимость их расформировывать, как только на данной окраине обострялось национальное самосознание» [2, с. 263]. Таким образом, результатом введения воинской повинности для «инородцев» империи правящие круги прогнозировали рост их этнического самосознания, что могло стать причиной усиления наци-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 12-01-00281 «Политика России в Центральноазиатских национальных окраинах (Степной край и Туркестанское генерал-губернаторство) в XIX — начале XX в.»; Проект РГНФ № 12-31-09012 «Центрально-азиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность».

ональных движений и, в конечном итоге, угрожать безопасности и территориальной целостности государства. Поэтому привлечение азиатских этносов к службе в рядах Российской армии считалось мерой преждевременной, хотя и признавалась «принципиальная важность участия аборигенов в воинской службе как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири» (цит. по: [3, с. 263]).

Вопрос о привлечении казахского населения, занимавшего в имперской этносоциальной структуре положение «кочевых инородцев», неоднократно выступал объектом детального рассмотрения правящих кругов Российской империи. Впервые он обсуждался в 1879–1880 гг. в ходе работы специально созданного Комитета по пересмотру проекта «Положения о привлечении к воинской повинности инородцев Западной Сибири». Выводы Комитета во многом опирались на мнение региональной администрации, прежде всего оренбургского и туркестанского генерал-губернаторов, властные полномочия которых распространялись на степные районы Казахстана. Туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман считал привлечение оседлых и кочевых народов Туркестанского края к исполнению воинской повинности, в какой бы то ни было форме, преждевременным. Опасения чиновника были связаны с возможностью формирования среди них, в случае введения обязательной службы в Российской армии, группы людей, «знакомых с усовершенствованными оружием, дисциплиною и порядками цивилизованных войск». Наибольшее беспокойство у генерал-губернатора вызывало оседлое население Туркестана, еще недавно имевшее «самостоятельные государства» — Кокандское, Хивинское ханства и Бухарский эмират. Его самобытная многовековая культура, политические и социально-культурные и религиозные традиции еще долго, по мнению К. П. фон Кауфмана, могли выступать препятствием на пути интеграции данного региона в общеимперское пространство [4, л. 15].

Генерал-губернатор Оренбургского края Н. А. Крыжановский был солидарен с К. П. фон Кауфманом в вопросе введения воинской повинности для казахского населения. Он был убежден, что известие о призыве в ряды Российской армии вызовет массовые откочевки казахов Тургайской и Уральской областей в пределы среднеазиатских владений, казахов Семипалатинской и Семиреченской областей — в Китайскую империю. Кроме этого, Н. А. Крыжановский считал, что особенности цивилизационного развития казахского этноса, связанные с хозяйственно-культурным типом — кочевым скотоводством, будут препятствовать формированию на его базе боеспособных военных единиц.

Учитывая мнение местной администрации, Комитет по пересмотру проекта «Положения о привлечении к воинской повинности инородцев Западной Сибири» при-

знавал «особенности быта, политическое состояние Степного края». На основании этих выводов было сделано заключение о «несвоевременности привлечения киргиз к отбыванию воинской повинности не только на общем основании, но даже ввиду временно собираемых милиций». Однако служба казахов в Российской армии в отдаленной перспективе все же предполагалась целесообразной «в виде формирования конного дивизиона» для «соблюдения принципа всеобщности» [4, л. 24].

В 1883 г. Военное министерство вновь запросило мнение местной администрации Степного генерал-губернаторства, созданного в 1881 г., о целесообразности и своевременности введения воинской повинности для казахского кочевого населения. Как показали результаты, единства в решении данной проблемы уже не было.

В частности, военный губернатор Семиреченской области А. Я. Фриде выступил сторонником скорейшего привлечения казахов к воинской службе и прежде всего в кавалерийских частях. По его мнению, для этого имелись «все необходимые предпосылки» и прежде всего прекрасные навыки верховой еды казахских мужчин.

А. Я. Фриде был убежден, что введение воинской повинности не требовало предоставления казахам взамен каких-либо дополнительных льгот, в том числе в выплате остальных налогов. Обязательную явку призывников в собственном обмундировании он считал затруднительной для казахов и предлагал выдавать его «за счет казны». Источником пополнения данной бюджетной статьи расходов должен был стать натуральный налог, который предлагалось собирать с освобожденных от воинской повинности казахов. Его размер, с учетом тяжелого экономического положения кочевников, связанного с повторявшимися на протяжении 1878–1880 гг. эпизоотиями, должен был составить 5 руб. ежегодно, «дабы не сделать оный слишком обременительным» [4, л. 11об.].

Для организации работ по призыву казахского населения на воинскую службу необходимо было решить одну из важнейших проблем — составление списков призывников. Опасения А. Я. Фриде основывались на том, что в степи фактически не велся учет казахского населения. У народов Азиатской России, исповедующих ислам, данная обязанность возлагалась на мусульманское духовенство, подчинявшееся Оренбургскому мусульманскому духовному собранию. Религиозные же дела казахов «Временным положением об управлении в Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Акмолинской областях» 1868 г. были изъяты из компетенции этого духовного органа.

Закон позволял иметь мулл только из числа местного казахского населения, обязательно утвержденных военными губернаторами областей. В результате, по мнению А. Я. Фриде, в степи наблюдалось падение авторитета мулл, «всякий грамотный киргиз именуется муллою и может читать подлежащие мо-

литвы». На практике «это дозволение обращено местными русскими властями в обязанность, но киргизы, по большей части избегают прибегать к волостным муллам и столь же равнодушны к остальному, почему метрические записи волостных мулл весьма неудовлетворительны» [4, л. 12об.–13].

Являясь противником учреждения у казахов особого мусульманского духовного правления, которое неминуемо способствовало бы усилению «мусульманского фанатизма», А. Я. Фриде предлагал «возложить ведение списков родившихся и умерших в каждой волости на волостного управителя, с тем, чтобы по окончании года волостные доставляли эти списки в уездные управления». Для того, чтобы побудить казахов вносить в списки родившихся и умерших, военный губернатор предлагал вменить в обязанность юртовладельцам в течение полумесяца заявлять волостному управителю о каждом случае смерти или рождения в семействе «под опасением штрафа». В конечном итоге, по мнению администратора, «такие списки, при условии постоянной проверки их уездными управителями, могут в соединении с установленной статьей 95–97 Устава о воинской повинности обязанностью приписки к призывному участку дать со временем достаточные основания для составления призывных списков мусульманского и вообще кочевого населения» [4, л. 13об.]. При первоначальном введении всеобщей воинской повинности в степных областях предлагалось провести перепись всего населения на основе имеющихся списков юртовладельцев, составляемых каждые три года для сбора кибиточной подати.

В соответствии со ст. 85 Устава о воинской повинности в уездных центрах необходимо было учреждение по воинской повинности присутствия. Поскольку в областях Степного генерал-губернаторства не было земских и крестьянских учреждений, на базе которых это присутствие должно было создаваться, военный губернатор Семиреченской области А. Я. Фриде предлагал учредить данный институт в следующем составе: председателем назначить уездного начальника, членами — уездных судей, помощником председателя — городского главу, а также ввести по одному выборному от города. Обязанности губернского по воинской повинности присутствия предлагалось возложить на областное правление. На содержание уездного и губернского по воинской повинности присутствия должны были быть выделены делопроизводители и отпуск сумм из бюджета [4, л. 14].

В отличие от К. П. фон Кауфмана А. Я. Фриде считал, что введение всеобщей воинской повинности для казахского населения вряд ли вызовет массовые их откочевки на территорию сопредельных государств. В своем рапорте по данному вопросу, представленному в мае 1883 г. командующему войсками Омского военного округа, он достаточно детально обосновывал свою точку зрения. Во-первых,

А. Я. Фриде был убежден, что кочевой образ жизни и родовые начала социальной организации не позволили сформироваться «сколь-нибудь значительным и устойчивым государствам» в казахской степи. Поэтому казахи постоянно находились «под властью влиятельных соседей». В большинстве частей казахской степи «кочевники всюду принявшие наше подданство добровольно или под влиянием усиливающегося нашего могущества, а не покоренные силой оружия — всегда отличались полным послушанием и покорностью не только воле высшего правительства, но и распоряжениям русских низших полицейских властей». Отдельны эпизоды протестных движений казахов, по мнению А. Я. Фриде, «являлись следствием не правительственных распоряжений, а внутренних ссор между родовыми частями за влияние и обладание должностями в наших пределах» [4, л. 20].

Важным моментом выступал и этнопсихологический критерий: казахов от других среднеазиатских народов, попавших в сферу интересов Российской империи, отличало «отсутствие воинственности» и «религиозного мусульманского фанатизма». «Вся их (казахов. — Ю. Л.) удаль, — отмечал военный губернатор, — не заходила дальше барымты между отдельными родами», они «не имеют той закрепленной ненависти к иноверцам, как оседлые мусульмане Туркестана. Случаи обращения в христианство довольно часты между киргизами, тогда как примеров принятия христианства сартами и таджиками почти не бывало» [4, л. 15об.].

Важным фактором целесообразности введения воинской повинности среди казахов признавалась и достаточно глубокая степень интеграции их в общееимперское пространство. Данная интеграция была обусловлена завершившимся процессом присоединения казахской степи к Российской империи в 60-е гг. XIX в. и успешностью проведения административно-территориальных реформ, направленных на трансформацию потестарно-родственных отношений и распространение судебной, налогов и других систем по российскому образцу на казахское население. Все это, как отмечал А. Я. Фриде, «по важности своей и значимости в жизни народа было не менее не симпатично киргизам, чем введение воинской повинности» и тем не менее не вызвало сколько-нибудь решительного сопротивления с их стороны [4, л. 16].

Администратор также был убежден, что казахское население Оренбургской области в массе своей перешло на оседлый образ жизни, имело стационарные жилища и, таким образом, вряд ли было готово к массовым откочевкам на территории сопредельных государств. Кроме этого, по мнению А. Я. Фриде, в среднеазиатских владениях — Хиве и Бухаре — не было свободных земель, пригодных для принятия значительной массы кочевников. Политическое положение Хивы и Бухары, характер их взаимоотношений с Российской империей устранял, по мнению военного губернатора

Семиреченской области, «всякую возможность со стороны хивинского и бухарского правительств принять в свои владения бывших наших кочевников».

Откочевки казахских родов из Уральской, Тургайской и Сыр-Дарьинской областей в Туркмению также представлялись маловероятными вследствие включения данного региона в поле политического влияния России. Территориальная отдаленность Акмолинской области от среднеазиатских владений и Китая также исключала возможность массовых миграций казахов. Откочевку казахских родов Семиреченской и Семипалатинской областей в Китай А. Я. Фриде допускал, но считал, что и их в скором времени возможно будет пресекать, поскольку в этот период велись активные российско-китайские переговоры о разграничении между двумя государствами в Центральной Азии. «По выставлении и усилении пограничных постов и караулов в Чугучаке, Кульдже, Кашгаре и при точном выполнении китайцами трактатов, следует полагать, что откочевки даже отдельных кибиток будут прекращены и устранены» [4, л. 18об.].

В то же время, несмотря на очевидность необходимости введения воинской повинности для казахского населения и отсутствия «политической опасности», военный губернатор Семиреченской области А. Я. Фриде считал, что реализация данной реформы должна осуществляться «постепенно и осторожными мерами». Под ними администратор понимал проведение разъяснительных мероприятий, поэтапное увеличение численности новобранцев из казахов, создание условий несения воинской службы, соответствующих «способностям и наклонностям кочевников», и «не бесповоротное обращение лучших из молодых людей в русских солдат и христиан» [4, л. 16об.].

Важной для А. Я. Фриде являлась и необходимость принятия превентивных мер, направленных на ограничение возможности формирования в среде казахских солдат антироссийских настроений. Поэтому военный губернатор считал возможным проводить набор новобранцев-казахов, численно соответствующий количеству новобранцев от русского и других этносов региона. В Семипалатинской, Акмолинской и Уральской областях призыв казахов предлагал осуществлять в конные полки, численно соответствующий призыву казаков в казачьи полки Сибирского и Уральского войск. Во избежание численного превосходства казахов в воинском контингенте Степного края пополнять его следует «наполовину новобранцами из соседних юго-восточных и сибирских губерний вдобавок и новобранцами из местного русского населения».

Связанные с этим расходы предполагалось возмещать за счет сокращения регулярной кавалерии региона, а также образования значительного количества конницы для службы в степных областях, Восточной Сибири и Туркестана. Таким образом, по заключе-

нию А. Я. Фриде, «при надлежащем вооружении и обучении особым вниманием к изучению стрельбы и пешего строя, обладая выносливыми киргизскими лошадьми, степные конные полки могут дать многочисленную конницу, вполне соответствующую современным требованиям для кавалерии» [4, л. 18–18об.].

Введение воинской повинности в Степном крае А. Я. Фриде считал необходимым и на том основании, что привлечение казахского населения к участию в защите престола и Отечества на основании Устава о воинской повинности еще более уравнивает в правах казахов с другими этносами Российской империи [4, л. 21].

Диаметрально противоположную позицию по вопросу о введении всеобщей воинской повинности для казахского населения занимала администрация Акмолинской области. Преждевременность ее введения обосновывалась несколькими обстоятельствами. Во-первых, по мнению военного губернатора области А. Н. Ливенцова, «политическая связь киргиз с империей образовалась не так давно, чтобы киргизы могли забыть прежней своей исторической жизни. С присоединением Степного края к империи, установилась русская власть, подавившая насилие, грабежи, бесправие, бывшие при султанах, водворила спокойствие, но духовная связь киргизского населения с русским народом, несмотря на все мероприятия правительства, находятся в зачаточном состоянии. ... Киргизы, находясь в родовом замкнутом окружении, недоступном почти постороннему влиянию, мало сочувствуют интересам государства» [4, л. 24–25об.].

В отличие от мнения военного губернатора Семиреченской области А. Я. Фриде руководство Акмолинской области было убеждено, что введение данной повинности вызовет сопротивление и недовольство со стороны казахского населения. Протестной формой могло стать «уклонение от воинской повинности», поскольку в казахской степи уже введено достаточно много налогов, «слишком обременительных» для казахского населения [4, л. 25].

Однако наиболее весомым аргументом точки зрения о преждевременности введения воинской повинности для казахов выступал ментальный аспект. Акмолинский военный губернатор А. Н. Ливенцов указывал на отсутствие у казахов постоянного военного ополчения, что было обусловлено своеобразием хозяйственно-культурного типа — кочевым способом производства. Из этого делался вывод о том, что «ни образ жизни, ни понятия, ни убеждения киргиз не могут соответствовать современным требованиям военной дисциплины, кочевой быт и весьма низкий нравственный уровень понятий не могут благоприятствовать образованию у них дисциплины» [4, л. 26об.].

Противоречивость позиций местной администрации Степного края по вопросу введения воинской повинности для казахского населения отражала тен-

денции данной проблемы в общеимперских масштабах. Вопрос о привлечении «инородцев» на воинскую службу в 80–90-х гг. XIX в. обсуждался значительное количество раз, но так и не был решен положительно. В 1890 г. Госсовет России также признал введение воинской повинности среди казахского населения преждевременным.

События первой русской революции 1905–1907 гг. и провозглашение Манифеста 17 октября 1905 г. вновь актуализировали проблему равенства граждан Российской империи в правах и обязанностях. В 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована Комиссия по пересмотру устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно. Однако начавшаяся Первая мировая война отложила на неопределенное время решение данного вопроса.

25 июня 1916 г. был опубликован указ, по которому «инородческое» мужское население Российской империи призывалось на работы по созданию оборонительных сооружений в районе действующей армии и на тыловые работы. Мобилизация на тыловые работы началась летом 1916 г. [2, л. 264].

Из Степного края, по предварительным подсчетам, должно быть мобилизовано 390 тыс. чел. Однако мобилизация так и не состоялась, поскольку призыв казахов на тыловые работы послужил поводом к началу мощного протестного движения, переросшего в вооруженную борьбу. Напуганное размахом восстания правительство 20 июля объявило об отсрочке призыва до сбора урожая, а 30 июля — об отсрочке до 15 сентября 1916 г. Однако погасить очаги сопротивления сразу не удалось, и к концу июля — началу августа 1916 г. волнения казахов начали перерастать в восстание, постепенно охватившее почти весь Казахстан.

Казалось, реакция казахского населения на призыв на тыловые работы вполне подтверждала мнение правящих кругов России о его неготовности выполнять гражданский долг по защите Отечества. Однако очевидно, что причину данной реакции нужно ис-

кать в гораздо более глубинных этнических процессах, связанных с трансформацией самосознания казахского этноса.

Речь идет прежде всего о том, что социальная политика Российской империи на протяжении XVIII–XIX вв. в отношении «инородческого» населения способствовала оформлению их особого юридического статуса в имперской этносоциальной структуре и представлению о нем как главном компоненте их менталитета. Как отмечает в связи с этим Л. И. Шерстова, «даже у сильно русифицированного, забывшего свой язык, происхождение, этноспецифику населения сама принадлежность к сословию инородцев в условиях четко стратифицированного общества превратилась, чуть ли не в краеугольный камень общественного и индивидуального сознания... Именно сохранение «особых прав» как неотчуждаемого достоинства и главного признака должно было, по убеждению аборигенов, оградить их от все возрастающего притока переселенцев, серьезно ущемлявшего жизненно важные интересы сибирских инородцев через введение земельного устройства и земельных ограничений» [5, с. 283].

В XVII–XIX вв. главное отличие сибирских «инородцев», в том числе казахов, от прочих социальных страт России усматривалось прежде всего в специфике их податного состояния. Оно предусматривало выплату ими ясака — налога со скота, сначала натурального, затем в денежном эквиваленте, выплату некоторых земских повинностей и «паспортного» сбора для покидавших аул и уходящих на заработки в город. Специфичность податного состояния определялась освобождением «инородцев» от отбывания рекрутской повинности, а после военной реформы 1874 г. — от службы в рядах Российской армии по призыву.

Таким образом, утрата казахами и другими народами азиатской России своего особого юридического статуса, лишение их социальных привилегий, которыми они обладали, в том числе освобождения от воинской службы, рассматривались ими, безусловно, как наступление на их права. Именно в данном ключе и необходимо рассматривать их реакцию на указ о призыве на тыловые работы.

Библиографический список

1. Устав о воинской повинности. — СПб., 1874;
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. — Т. 49. — № 52983.
3. Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв.: сб. ст. / под ред. Ю. М. Гончарова. — Барнаул, 2005.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан. — Ф. 369. — Оп. 1. — Д. 5845.
5. Шерстова Л. И. Факторы обострения межэтнических отношений в Южной Сибири начала XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина ы: сб. ст. — Барнаул, 2003. — Кн. II.